

Маргарита
СОСНИЦКАЯ

ПРИТЧИ

18+

Маргарита Сосницкая

Притчи

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Сосницкая М. С.

Притчи / М. С. Сосницкая — «ЛитРес: Самиздат», 2013

В притче мысли становятся образами, обретают голос, лицо, лица вступают в разговор, совершают поступки. Мораль всякой притчи – как результат математического вычисления, каждый получил его сам и вынес для себя, с собой, чтобы оно помогало ему, работало на него в жизни. Притча – сестра басни, мифа, а иногда сказки. Она открыта и для взрослых людей, и для больших детей. Например, «Утро сказительницы», в которой лучшая обречена на бегство из пионерлагеря. Есть, над чем задуматься и подросткам, и педагогам, а также родителям.

© Сосницкая М. С., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Из жизни розы	6
1	6
2	8
О трезвом мастере	9
О двух братьях...	11
Дипломатка	13
Заблудшая корова	15
Врата мира	17
Дорога домой	19
Самый умный	21
Зло добра	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Книга Притч

Издание второе дополненное, 2013

Книга первая

Звезда на дне колодца

*С усталой мудростью я знаю наперёд,
Что коль трещит, то значит, треснет лёд.*

Из жизни розы

1

Давным-давно забытый сад на окраине... но когда-то и он был ухожен, не сплетался с диким лесом, и была это не окраина, а ухоженная усадьба, центр мира, куда съезжались нарядные дамы с кружевными зонтиками и кавалерами в золотых погонах. Посреди сада был разбит цветник. В нем цвели синие гвоздики, желтые георгины, разноцветные садовые васильки и большой розовый куст.

Это сейчас усадьба оказалась окраиной расползшегося, бесчувственного города. Сорная трава поднималась выше человеческого роста, остатки узорной ограды угодили в цветной металлолом, деревья давно не плодоносили, уставшие сбрасывать урожай на землю. Гвоздики, васильки засохли, куст превратился в большую корявую колючку, торчащую на месте бывшего цветника, точно кусок колючей проволоки на месте пожарища. Все захватил, опутал сорняк, жесткий, колючий, буйный, берущийся из ничего, из гниения нападавших яблок, и лезший, напористо, уверенно, всюду и отовсюду.

По весне солнышко открыло глаза, потянулось, протянуло свои ласковые руки-лучи и погладило розовый куст. Он затрепетал, напрягся и потянулся навстречу солнечной ласке. Старые соки забродили в нем, он собрал все свои силы, которых раньше хватало на сто роз, и выбросил бутон.

Бутон вздохнул и показал нежные чахлые лепестки. Кусту они показались обещанием самой прекрасной розы, которую он когда-либо видел, хотя в былые времена на нем цвели их сотни, одна пышней и ярче другой, а любая пышней и ярче этой, одинокой и бледной. Но эта роза была единственной. Она возвышалась над почерневшим, засохшим цветником вестницей весны, красоты и жизни.

А роза не ведала о своих чарах. Она смотрела на небо и тосковала о дожде. Если бы он пролился, омыл ее лепестки, они перестали бы быть такими хрупкими и немощными. Капли теплого майского дождя потекли бы к самой сердцевине, и она впитала бы, вобрала всеми фибрами его живительную влагу и стала бы пышной, упругой и благоуханной.

Но дождь не шел. По небу проплывали синие тучки, не роняя ни капли. Роза склоняла головку и задыхалась в своем душном масляном эфире, снова и снова мечтая о свежей живительной влаге, о том, как задержала бы на лепестке драгоценную каплю, и о том, как та засверкала бы всеми цветами радуги.

Но дни шли за днями, солнце становилось резче, а дождем не пахло. Роза утратила всякую надежду, ее и без того бледные лепестки поблекли, она смиренно склонилась на почерневшую ветку и смиренно приготовилась увядать. Так лежала она, трупик розы, изредка вздыхала, одолеваемая краткими видениями животворящей хрустальной капли.

* * *

Вдруг небо заволкло тучами, загредел гром – роза подумала, что это ей снится во сне увядания. На лепестки упала капля. Роза вздохнула, уверенная, что в мире дождей больше нет, и не поверила дождю, что он дождь.

Но забарабанил первый посев крупных капель, поднял от земли теплый пар, напоил корни трав, цветов и деревьев.

А когда выглянуло солнце, оно увидело пышную темно-красную розу на зазеленевшем кусте среди поросшего дикой травой одинокого цветника в глубине заброшенного сада.

2

Она была так бесхитростно прелестна, эта роза, так сверкали горошинки росы на ее нежных лепестках, затмевая сверканьем алмазы, что сорняк зашумел, закачался:

– Мещанка!.. Обывательница! Кем себя мнит? Чем она лучше нас? Всех одинаково моет дождь и накрывает облаком пыли дорога, а она откуда взялась такая? Поднялась, сверкает, благоухает! Ишь, нашлась Мария-Антуанетта! По какому праву?!

А роза цвела в полном великолепии, источая головокружительный аромат, бросающий вызов: «Сколько надо сорняку, чтобы стать розой?»

– И зачем это мне становиться розой? – негодовал сорняк. – Я и так не хуже. Тоже весь в колючках. На той же почве произрастаю, вон меня сколько! А эта, залетная, откуда взялась на моей территории и голову задрала? Выскочка!..

А роза как ни в чем ни бывало расточала свой эфирный аромат: «Никогда не бывать сорняку розой».

Сорняк ярился и наступал на розу со всех сторон:

– Я докажу, что ты ничем не лучше меня! В этом саду все давно равны!

А в это время катались на велосипедах солдат и девушка в белом батистовом платье, таком же белом, как ее волосы, развеваемые ветром. Роза, единственное цветочное пятно на серо-зеленой шинели сорняка, не могла не броситься им в глаза. Солдат притормозил велосипед, достал складной нож, проторил дорожку в сорняке, зычно рубя его налево и направо, бережно срезал розу и преподнес девушке. Она с улыбкой приложила розу к волосам, отчего обе, роза и девушка, стали еще прекраснее; затем вдохнула ее тонкий запах и, совладав с легким головокружением, приколола на грудь. Солдат наклонился, тоже вдохнул аромат цветка и стиснул зубы, чтобы не застонать – на то он и солдат – не застонать от упоения. Они сели на велосипеды и покатали дальше, а ветер снова играл волосами и платьем девушки, только теперь его украшала царственная пурпурная роза.

26.11.1996, 22 .01. 2003

О трезвом мастере

Эридану Баццарелли

В Перезвонове за одно лето в лесу, в стороне от дач, поднялся белокаменный дом с голубыми карнизами. Землю вокруг разровняли, засыпали торфом, засеяли травой, и она зазеленела мягким бархатистым ковром.

Но дом со стороны был хорош, как лебедь, засмотревшийся в зеленую воду, а внутри еще предстояла отделка. На ловца и зверь идет.

В калитку постучал человек с заплечным мешком, припорошенный дорожной пылью. Он был высок и крепок, но пылью будто пришиблен к земле.

– Вам не нужен мастер? – спросил он вышедшего хозяина, седого военного в отставке, и показал ему руки.

И то ли руки сквозь пыль просияли золотом, то ли в мозолях проступила заветная пропись, но хозяин сразу понял, что руки золотые, и распахнул калитку настежь:

– Нужен.

* * *

Так в белокаменном доме на околице Перезвонова, в котором вся светско-общественная жизнь происходила у единственного ларька, поселился мастер Некрас. Пригнала его сюда, в подмосковные просторы из ярославской глубинки неосудительная нужда кормить семью.

И хоть звали его Некрасом, а так нарекают для отвода дурного глаза, оказался он, когда пыль дорожная спала, хорош собой, ясноглаз и по-гусарски статен вопреки непрерывной работе, часто вынуждающей сгибать спину. Он делал дом под ключ: штукатурил, белил, делал лепнину, электрическую разводку, клал плитку, устанавливал умывальники и краны, стелил паркет, покрывал его лаком, прибавал плитуса, уголки, обустроивал красный угол. Он делал из дома игрушечку. И чем лучше у него это получалось, тем ярче и безмятежнее светились его ясные глаза.

Но не все спокойно было в Перезвонове.

Хозяин, бывший военный, не мог нарадоваться на Некраса, нарадоваться и нахвалиться перед соседями. По округе пошел слух о чудо-мастере. К нему стали подходить с просьбой что-либо срочно починить или смастерить: у кого кран вышел из строя, у кого старый светильник развинтился, кому для встречи новорожденного из больницы детскую вагонку надо обшить. И Некрас безотказно и, что вовсе диво, пунктуально со всем справлялся. После своей основной работы, в белокаменном, шел, в ущерб собственному отдыху, чинил, ладил, подгонял, и непременно, чтоб все было как с иголочки. Даже старинные часы с кукушкой местного именитого завода, увы, ушедшего в анналы краеведения, воскресил. Вырученные денежки жене и детям на хозяйство и пропитание в ярославскую глубинку исправно каждый месяц отправлял.

Все Перезвоново зауважало мастера Некраса, шапки перед ним стало снимать. «Это чтобы в наше время крошечное, страшнее батыйского безвременья, такого мастера встретить, аккуратного, добросовестного, не халтура, а главное, честного – да это же чудо! Чистое чудо из чудес! Вера и надежда на Русь воскресают. За какую благодать неведомую Перезвонову удача такая перепала?» – рассудили так его обитатели и Некраса всеми силами и средствами в дома зазывали, человеком он повсюду был полезным и востребованным. И везде, как черт из машинки, на столе возникала чарка слезы родниковой – водки.

– Выпей, – подносили ее как знак наивысшего почета, – выпей, не откажи, уважения ради, – и кланялись.

Некрас объяснял, что этого добра он не нюхает и проверять не желает на собственной шкуре, как оно из жидкого алмаза в стакане в зеленого змия в организме оборачивается.

На него обижались: неужели он, богатырь, по-своему, – от одной сломается? Верно, выпить с нами брезгует.

Деваться некуда – Некрасу легче выпить, чем такие наветы на себя выслушивать да человека отказом обижать, и он пил чисто из вежливости, уважения ради. Не успевал он переступить один порог, как на следующем его уже поджидали, и тоже с самым дорогим.

Совсем не вмоготу стало Некрасу ходить по Перезвонову и он укрывался в стенах белокаменного. Да вот незадача, призывал хозяин, бывший военный, раскупоривал бутылочку отборнейшего «Русского стандарта», переплюнувшего все прочие стандарты в мире, и просил уж не побрезговать, компанию составить.

– В одиночку разве что алкоголики пьют, – говорил хозяин, держа стакан в руке с локтем на отлете. – Вот чтоб меня до такой гауптвахты не допустить, выпей со мной, мастер мил человек, ать-два!

Возможно ли тут отказать?! И возможно ли не захмелеть?

* * *

Отделка дома подошла к концу; дом внутри сиял, как пасхальное яйцо. Да только при доделке последних мелочей стал хозяин головой покачивать:

– Что-то сплеховал малость мастер Некрас. Видно, под градусом за дело брался.

Тем и с соседями поделился, мол, за мастером нужен глаз да контроль неусыпный – не то сфальшивит.

Нужда в мастере рано или поздно в белокаменном доме вышла – калитка распахнулась и защелкнулась за его спиной с заплечным мешком на шею.

Мастер Некрас стоял посреди Перезвонова и прикидывал, куда ему дальше податься. От ларька неслась разудалая музыка с кассеты, на бревне сидели ларешные завсегдатаи, а на пеньке перед ними красовалась бутылка с мутной какой-то дрянью это вам не хозяйский «Стандарт». Среди ларешников обреталась и бабенка, чуток подержанная, зато чрез меру веселая. Вот они-то и встретили Некраса, как брата родного, обрадовались, что он возле них остановился, и шумно приняли в свое содружество. Мог ли чураться мастер их стакана?

Так он занял комнатенку у веселой бабенки в кирпичном доме. И теперь подрабатывал то в одном дворе, то в другом – благо слух о нем везде прошелся – то сруб для баньки складывал, то насос в колодец прилаживал, и всякий раз довесок к оплате в стакане или рюмке подносили.

Деньги мастер по-прежнему семье отсылал, но реже и не сполна, ведь к рюмке добавить потребность возникла и ларешники с домохозяйкой компанией закадычной стали: для закладки не фундамента – а за кадык. Глаза Некраса потухли и статные плечи поникли. Все в Перезвонове теперь головой ему вслед качали:

– Выпивать чтой-то стал наш горе-мастер. Что ни встретишь на улице, так и заносит его, как на палубе. А с другой стороны, где вы такое видели, чтоб мастер да трезвым был?

2003г.

О двух братьях...

*Тело – это похоронные носилки для души.
(Восточная мудрость)*

В один день и час в одной больнице родились два брата близнеца. Оба одного веса, одной длины, кареглазые, беленькие, не то, что другие младенцы в красных прожилках, – похожи друг на друга, точно два Купидона. И назвали их Спиридоном и Дормидоном. Росли они одинаково, ходили в рубашках вышитых точь-в-точь, мать с отцом их не различали, не знали, кого за шалость или провинность наказывают: виноватого или безвинного, потому во избежание ошибки колотили обоих.

Выросли братья хорошими статными парнями, со щеками румянными, губами курчавыми и спинами крепкими, крепче доски – воспитание родительское впрок пошло.

И стали они жить через дорогу. Спиридон огород стал копать, овощи, зелень разводить, Дормидон плечами пожал: зачем человек себя изматывает, когда все это в магазине купить можно? – купил и трактор вызвал. Свой огород разровнял, торфом засыпал и травой засеял. Быстрей, чем борода после бритвы отрастает, зазеленела лужайка; подстрижешь, и она мягкая под ногой делается, как шерстка пуделя в парикмахерской, хоть в гольф играй, хоть мяч гоняй, хоть так, котом на спине катайся. Этим, кошачьей радостью, Дормидон и занялся.

Стол на лужайку вынес и диван. Чего только к его столу не подавалось: и пироги с грибами, и дичь, и разносолы от квашеной капусты до корейской морковки, и копчености, и осетры с лососиной, икра, торты, плетенки с маком, рулеты с повидлом, а еще колбаса любая-всякая, окорока, ветчины, сельдь атлантическая «под шубой» и, как говорят французы, земляное яблоко – бишь, картошка, сорт синеглазка, и золотое яблоко – бишь, помидоры сорт «бычье сердце». Ест он, сколько глаза съедят, прям суций римский патриций, да на брата своего близнеца через дорогу поглядывает.

А тот картошечки накопал, в мундире отварил, благословил, в соль с маслом растительным обмакнул и тихо скушал. И снова деревья в саду окапывать, водой из колодца поливать, перегноем почву подпитывать. Дормидон заснет на диване после плотного обеда, пробудится, добрый, розовощекий, а Спиридон все еще в земле возиться. Вот Дормидон и не выдержал:

– Зачем ты себя так мучаешь? – крикнул он через дорогу. – Надрываешься попусту?

Спиридон, тоже розовощекий от работы, отвечает:

– Да разве это я надрываюсь? Мне ведь в охоту.

И как будто мало ему было сада с огородом для хлопот, он еще баню вздумал ставить. Поставил, зимой попарился, в снегу, как морж, повалился, и Дормидона зовет париться.

– Что ты, – отвечает тот и ёжится, – спасибо. Видел я, как ты плоть свою мучаешь.

– Мучаю? – удивился Спиридон. – Либо я ее, либо она меня.

– Не понял? – в самом деле не понял Дормидон.

– Да если я ее сейчас не буду мучить, она меня потом замучает. К тому же, работа мне в радость.

– Нет уж, спасибо за такую радость, – качает головой Дормидон. – У меня в доме ванна эмалированная, вода из крана горячая льется, я в ней поплескаюсь, в халат и тапочки переберусь и на диван лягу – вот это радость так радость.

– Как хочешь, брат. Была бы честь предложена. Но как бы я плоть свою не мучил, это мучение все равно меньшее того, каким она потом меня мучить станет, если я сегодня ее, как ты, буду нежить да лелеять.

– Ну-ну, – скептически кивнул Дормидон, на том они и разошлись по разные стороны дороги.

Каждую весну Спиридон, худой, поджарый, траву косит, а Дормидон округляющийся, рыхлый, на траве, как шерсть пуделя, гантелями машет, раз-два махнет и бросит – скучно, неинтересно, смысла нет, телевизор смотреть интересней. А Спиридону не до телевизора: участок обкосить надо – вот и цель, и смысл, и интерес.

Два брата-близнеца на близнецов стали не похожи. Любитель ванн совсем округлился и волосы терять стал. А огордник – тощ, жилист и шевелюрой дико зарос. А тут еще чума XXI-ого века постигла: еда трансгенная, мутированная – не такая, как ее Господь Бог и природа создали, а с поправками человеческим прогрессом. Поешь морковки трансгенной, пузырями пойдешь, арбуза-мутанта – рвать станешь, мясо нюхать опасно стало: коров коровами кормить стали, а именно порошком из коровьих костей. А уж вода... как в сказке: «Не пей, братец Иванушка, козленочком станешь!»

Одно спасение осталось – самому петрушку, укроп, капусту, репу, яблоки золотые и земляные выращивать. Червячок – сертификат натуральности продукта, дотрансгенной его кондовости-матушки, благодаря которой человечество сотни тысяч лет прожило без аллергий и мутаций.

У Спиридона спасение это отработано, само собой идет, пусть он в это «само собой» не пуд, не два труда вкладывает. А у Дормидона дело застопорилось, да и не шло никогда в эту сторону: ведь ему было легче купить, чем самому вырастить. Потому он даже кусок земли продал, чтобы больше еды купить и меньше труда прикладывать. Землю-то продавать нельзя.

А жилистый брат ее купил, рожь посеял. Хлеба ржаные стал выпекать, корову и птицу домашнюю завел.

Уже по братьям и заметно быть перестало, что они братья, а уж что близнецы, которых мать с отцом не различали, совсем не догадаться.

У Дормидона расцвел целый букет болезней, кинулся он по врачам да по аптекам.

– Что ты, – говорит ему брат через дорогу, – не пей таблеток, они одно лечат, другое калечат.

– Здоровый больного не поймет, – хмурился занемогший Дормидон и высыпал в рот пригоршню пилюль.

– Ты травами полейся, соками да постом, – не унимался, советовал Спиридон.

– Голодом себя мучить? – обижался несчастный. – Мало меня болезни мучают, так пусть еще и голод помучает?

– Голод болезни будет мучить. А если их не мучить, они тебя в бараний рог согнут.

– Прямо уж, в бараний, – не поверил Дормидон и вспомнил, что пора принимать микстуру.

Снова разошлись братья по разные стороны дороги.

Но это не помогло. Дормидона все равно скрутило в бараний рог. Спыхватился он, сел на соки, диету и травы, да поздно, поздно. Не успели они проявить свою целебную силу. И на сей раз разошлись братья по разные стороны дороги: больного, вернее, уже покойного отправили на погост, к месту вечной прописки. И лужайку его зеленую скоро покорила сорняк. А Спиридон прожил до ста лет, оставил потомство, вырастил сад и написал книгу заветов внукам, первый из которых гласил: «Перед тем, как принять важное решение или найти выход из сложной ситуации, постись без воды и еды трое суток, и тогда найдешь ключ к любому хитроумному замку».

Так что хоть и родились братья Спиридон и Дормидон в один день и час, да не в один день и час преставились. Каждый нажил себе свою смерть, один в муках и болезнях, другой благую, в том возрасте, когда человек уже не умирает, а усыхает, и говорят про него не умер, а усоп.

Дипломатка

Один отец семерых сыновей прокормит, а вот семеро сыновей отца не прокормят. Но сыновьям Родины отца кормить не пришлось; он сам себя кормил до того дня, когда утром встал с кровати, сделал шаг и упал замертво.

Осталась одна мать. Она ослабла и сдала в одночасье после мужниной кончины. За матерью надо было ухаживать и присматривать. Но сыновья с утра до ночи в офисах подагру наживают, невестки между детьми и хозяйством разрываются – куда им еще со старухой нянчиться?

Братья собрались, провели совет и вскладчину наняли домработницу. Она появлялась утром и исчезала вечером. Мать плакала по ночам, как ребенок, и некому было подойти к ней успокоить, погладить по голове. Она тосковала по отцу своих сыновей, который всю жизнь промучил ее своей любовью и ревностью, а вот ушел, и казалось бы, теперь можно отдохнуть от его притязаний, ан-нет, она тосковала, его не хватало: любовь это или привычка?

Как ни крути, а мать надо было забирать к себе. Но кому? Ни один из сыновей по тем или иным причинам не мог себе этого позволить. Какой невестке нужна в доме беспомощная, со своим уставом – оттуда дует, то пересолили – свекровь? К счастью, вопрос решился сам по себе: мать лишилась чувств и домработница вызвала скорую. В больнице ее отправили прямым ходом в реанимацию. Три недели шла борьба за жизнь старой женщины, матери-героини. Родственникам даже проведывать ее не надо было – им позвонят в случае чего. Борьба закончилась победой – больную перевели в палату. Хотя разве старость – это болезнь?

Теперь за матерью надо было ухаживать. Сыновья ездили по очереди. Благо дело, их семеро, каждому раз в неделю приехать – не такой уж большой труд.

Но могут же человека держать в больнице вечность. Врач сказал, что эту пациентку пора выписывать. Пробил час, кто-то из сыновей должен взять ее к себе. К тому же домработницу тем временем уволили. Сыновья обратились к врачу с просьбой понаблюдать за их матерью: ведь с нею в любой момент может случиться худшее. И подкрепили эту просьбу хорошим французским коньяком.

Ее оставили в больнице. А больница она и есть больница: надо делать процедуры, уколы, капельницу, чтобы оправдать пребывание там. И матери все это приписали; держали старуху, можно сказать, на игле. А она не переставала сосредоточенно думать об отце своих детей, о днях их молодости и нелегкого счастья – только прошлое и было ее жизнью. Ведь не могут быть ею процедуры, уколы, капельница. А капельница, если приглядеться, вполне похожа на виселицу. Когда к матери подходили со шприцем, отрывая от заветных мыслей, она слабым, плачущим голосом просила:

– Пожалуйста, не надо... Оставьте меня в покое.

Просила и сыновей, когда они приходили:

– Скажите им, чтоб не мучили меня... Дайте мне спокойно умереть...

– Что ты! – отвечали ей. – Мы должны о тебе заботиться. Мы вытащим тебя с того света.

– Не надо, – молила мать. – Там мой суженый.

– А здесь мы, – отвечали сыновья. Побудь с нами. Ты нам нужна. Мы все делаем для тебя. Нельзя же ведь ударить лицом в грязь перед людьми.

Так тянулись дни, длиннее столетий.

Мать поужинала настоем ромашки и сухарем, пожелала спокойной ночи дежурному в тот день сыну, закрыла глаза и заснула.

А утром обнаружили, что заснула она навеки.

Сыновья все искренне, хотя не без облегчения, опечалились:

– Обманула нас всех мать. Оставила. Не захотела создавать нам проблем. Ушла-таки к отцу.

22. 10. 2003 г.

Заблудшая корова

Отбилась корова от стада. Запетляла по лесу, дорогу домой найти не может. Метается, мычит не своим голосом, зовет человека, чтоб освободил ее от молока перегоревшего; худо ей от боли нестерпимой, груднице подобной.

Услыхали корову одновременно двое: инок в черной рясе с белой монастырской стены и странник в черном армяке на лесной тропе. И оба поспешили скотине на выручку. Первым подоспел инок. Похлопал корову по боку, погладил – она аж содрогнулась от нетерпения; сел на пень, проросший ромашками, и стал молоко на землю сдаивать.

Подошел странник и, видя такое, вытащил из котомки кружку, под струю молока подставил. Ударила струя в кружку, брызги во все стороны разбросала, запенилась.

– На-ко, выпей, – протянул странник кружку иноку, когда молоко перехлестнуло через край. – Ты первым корову нашел.

Инок доить перестал, взял кружку, благословил и со словами “Спасибо, Господь послал” выпил, усы молочные вытер и снова доить взялся.

Вторую кружку выпил странник, не спеша, ни капли не допуская по усам пролиться, хотя усов у него не было, кроме тех, что молочная пена оставила. Промокнул он их и к иноку тщедушно с вопросом обратился:

– А скажи, божий человек, по-твоему, корову не подоить, будет грехом?

– Будет, – не задумываясь отвечал инок. – Еще и как будет. Божьей твари не пособить – точно грех. Молоко у коровушки перегорает, она кричит от мук, так и дух испустит, ежели не доить.

Странник присел рядом на траву, сорвал былинку, сжал зубами:

– Жалко коровку?

– Жалко, – кивнул инок. – Надо ее на монастырский двор загнать. Пусть там спасается, пока хозяева не найдутся.

Странник покачал головой:

– Заботливый ты. Коровку тебе жалко, да. А что ж тебе жены твоей, любушки не жалко?

– Какой жены-любешки? – удивился инок. – Нет у меня никакой любушки.

– Как же нет, коли есть, – поднял палец и сразу убрал странник. – Бог ведь каждому сотворил его половинку. В браке эти половинки соединяются ради продления жизни на земле по образу Божьему и подобию. А твоя половинка покинута, каково ей на белом свете, одинокой али за нелюбом? Женушку не любить все одно, что коровку не доить.

Странник поднялся с земли, выломал прутик и подал иноку:

– Гони ее на монастырский двор. Сколько раз в день ее доить будешь?

Инок тоже поднялся с пенька, принял прутик:

– До заутрени, раз, после обедни, два, и на вечерней зорьке.

Странник вздохнул:

– Э-эх, скольких детишек этим молоком можно было бы выкормить. Солдатиков отечеству.

– Верно, – опустил глаза инок. – Да нет дела важнее, чем восхваление Бога.

– Богам нужно отечество. А отечество без защитников погибает.

– Но и молитва защищает, – подвел глаза к небесам инок.

– Защищала, – согласился странник, – против монголо-татар. А защитит ли против ядерных боеголовок?

– Посмотрим, – сказал инок.

– Поглядим, – согласился странник. – Да как бы не проглядели.

* * *

На том инок и странник разошлись. Странник в котомку спрятал кружку, вскинул котомку за плечи и скрылся на лесной тропе среди деревьев, а инок, погнав коровку, более поглаживая, чем похлестывая прутиком, за монастырскую стену.

22–23.10.2003 г.

Врата мира

Пара троек котов с облезлой, свалывшейся шерстью шло по пустынной улице за катафалком мадам. Коты эти были не из тех, что обитали в ее квартире, а бродячие, бездомные и дворовые, которым она выбрасывала остатки жирных обедов своих домашних котов. Их было семеро, истинных хозяев квартиры, а она, домовладелица, как ни верти, состояла у них в услужении. Для них стояли диваны и кресла для них, были расстелены ковры и подстилки, готовились специальные кошачьи кормежки и два раза в неделю прибирала пожилая домработница, тихо кляня про себя всю эту котовасию. Иногда коты дрались, и тогда их разнимали собаки: у мадам жили еще три собаки – собачонки немислимых азиатских пород, любимое лакомство корейцев. Сама мадам состояла в обществе защиты животных и активно боролась за их права. На ее счету числилось несколько тяжб с особами, уличенными в дурном обращении с братьями меньшими. И особам этим не поздоровилось. Она подбирала брошенных котят и отвозила в приют для беспризорных зверюшек, а однажды спасла еще слепой выводок от участи быть закрытым в землю.

Мадам жила одна, не считая, естественно, этого зверинца – объекта ее волнений и опеки; претенденты в мужья в доме появлялись и исчезали чаще, чем эти коты.

И вот кошачья масленица кончилась в одночасье: мадам вынесли ногами вперед. Домашние питомцы разбежались, куда глаза глядят, и, не приученные к улице, канули в неизвестность. На кладбище провожать пошли только бездомные, бродячие, облезлые коты, да и те по дороге исчезали один за другим.

* * *

А душа мадам приблизилась к эфирным высотам и готова была в упоении возноситься выше, туда, где эфир становился легче и лучезарнее, но натолкнулась на полупрозрачное, почти невидимое, однако плотное облако, в высоты эти ея не пропускавшее. Она попыталась обогнуть его, слева, справа, но только различила слепленных, свернутых в клубок прелестных существ, напоминающих эльфов, вернее, малышей эльфов от трех до пяти лет, с голубыми, розоватыми, зеленоватыми трепетными прозрачными крыльями. Эти призраки эльфов не сводили с нее своих не по-детски печальных глаз.

– Что вам надо?! Кто вы?! – взмолилась обессилившая в тщетных попытках прорваться душа мадам.

– Мама, мамочка! – загалдели призраки-эльфы, и от этих слов ей стало так тепло и приятно, как не бывало даже тогда, когда самый пушистый из котов забирался на колени и заводил свою ласковую песню. – Мы твои дети! – и шумно забили, забили крылышками так, что поднялась белая искристая пыль. – Девочки, – сладко пропели они, и им вторило плывущее эхо, – и мальчики!

– Какие дети? У меня не было никаких детей! – встрепенулась душа мадам.

– Были, были! – зарокотали дети, – были и есть. Ты же нас видишь!

– Вижу, – сжалась душа.

– Только мы не рождённые. Так и останемся не рождёнными среди небесных кушей, сиротами в надоблачных широтах... и меридианах. Ты нас не захотела...

– А с пап не спрашивается? – попыталась защищаться душа мадам.

– Мы подождем и пап, – мечтательно вздохнули души, не ставшие детьми. – Папа. Так хочется познакомиться. Мы ведь могли с ним ходить на рыбалку или за грибами... Не пошли. Потому что последнее слово всегда было за тобой, мамочка!

– Ах, – поникла душа мадам, – а чем бы я вас кормила?
– А что это такое: кормила? – удивились детские души.
– Какие же вы наивные!
– Наивные, наивные, – воспрянули они. – Мы ведь даже не дети, мы будущие дети!
И вдруг потемнели, как темнеет небосвод, когда его заволакивает дождевая туча.
– А-а-ах, не будущие!.. Не быть нам, уже не быть... коль мы встретили нашу матушку не на земле, а на небе.

И туча на глазах стала чернеть. Душа мадам теперь не видела, куда же ей двигаться, чтобы пройти в те высоты, манившие из-за тучи короной сияющих всеми цветами радуги лучей. С разных сторон одновременно до нея донесся усталый голос:

– Чтобы пройти, надо сначала пропустить других. А ты не пропустила, ты – мать, врата в мир земной. Ты. Тех, кто любил бы тебя и ты бы любила.

– Виновата наука, медицина, общество, геноцид в стране! – завопила душа мадам.

– С каждого спросится свое, – отозвался голос. – Ты ответь за себя.

– Чем бы я их кормила?

– Но котов же ты чем-то кормила! И вырезкой, и сметаной! – громыхнул голос.

– Неужели у моих детей больше нет шансов быть? – ужаснулась душа мадам, будто до нее что-то дошло.

– Души-сироты... Кто их усыновит? Но тому вдвойне воздастся.

Душа мадам разорвалась от жалости и боли; обрывки ее неожиданно вразнобой прокричали: «Мяв-гау-у-у!!!» – и попытались слепиться, чтобы сделать еще попытку прорваться в эфирные высоты. Разогнались, ударились о плоть почерневшей тучи, таившей призраки душ детей, и рассыпались в прах.

* * *

За гробом не шло ни одного кота. Да и не было уже никакого гроба. Лишь клоч черного дыма, отрыгнувшийся через трубу крематория.

9–14.05.2003 г.

Дорога домой

Памяти Коренёвского священника Петра Ивановича Маркова, убиенного под оркестр на Бутовском полигоне в феврале 1937 года. Канонизирован в 2006.

Перовкурсников физико-математического факультета поселили в общежитии через дорогу от Матросской тишины. Удивительно, совсем рядом по Стромынке проходит трамвайная линия, от тяжеловесных внуков конки дребезжат стекла в рамах и подрагивает бахрому на абажурах, а печально известная улица Матросской тишины никогда не выходит из тягучего полусна, будто окраина вымершего уездного захолустья. Впрочем, окна общежития, бывшей Екатерининской богадельни, выходили как раз на Стромынку, и о тишине в комнатах, где жили по восемь душ, можно было только мечтать.

Татьяне досталась койка и тумбочка у окна, смотревшего во внутренний двор здания, построенного буквой «П». Посредине двора островом возвышалась церковь, – бывшая церковь, однокупольная, с одним крыльцом, без боковых дверей. Крест с купола давно был снят, золотая обшивка ободрана, а на двери прибита табличка, сообщавшая, что это архив. Вид у церкви был сиротливый, как у пригожей девицы в обносках с чужого плеча на принудительных работах. Татьяна ее так и прозвала: «сиротинка».

Ездить на занятия – путь неблизкий: почти час по трамваям, метро, автобусам столицы. А столица-матушка безразмерная, кого хочешь измотает, даже молодую, полную сил, застоявшихся в провинции, душу. Да еще если она каждый вечер возвращается в комнату, где семь таких же нерастраченных Софий Ковалевских без конца хлопают дверью и где их не ждет ни ужин, ни стакан чаю – и ни потопаешь, не полопаешь: обо всем надо позаботиться самой, претерпевающая волчий голод, когда сдается, быка проглотила бы, набросилась, съела, да еще заела-запила чем-нибудь.

А ляжешь в койку, трамваи каждые десять минут сотрясают улицу, здание и Тишину. Соседки жалуются на трамвай, на дальность поездок, а Татьяне все ни по чем: она спешит в свой уголок у окна; а когда население комнаты сморит не первый сон-богатырь, она садится на постели и смотрит во двор на сиротинушку. Какая она совсем другая по сравнению с нынешними строениями, не чета им, ласковая, уютная, да уж больно запущенная; и жалко делается Татьяне церкви, жалко, как сироту бездомную или брошенного котёнка. Или! – Татьяну осенило – как царевну на паперти. Ведь это ж до чего душераздирающе, если царевна нищенствовать должна! И все лгут на нее, плюют, последние крохи отбирают и никто не пожалеет! Татьяна тайком, чтоб никто из товаров не увидел, возьмет да и перекрестится: вот тебе, церквочка, пряничек, не тоскуй, милая, царевночка бедная, вот и еще гостинчик – снова осенил себя крестным знаменем, а вот еще, и целый кулич: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!» Это все, что из молитв, она знает наизусть. Да и откуда ей знать, студентке физико-математического факультета на хорошем счету?

А однажды Татьяна открыла глаза от тонко-серебряного звона, наполнившего комнату. Она села на кровати, взглянула в окно и обмерла: церковь стояла осиянная лунным светом, в котором струились снежные хлопья. От света золотился купол, от снега свадебной белизной отсвечивали стены и крыльцо.

– Красота какая! – восхитилась Татьяна и трижды перекрестилась. – Вот она, краса какая, эта тихая церковь. Спрятали ее, ободрали, а она все едино – краса! Все едино царевна! Вот она, тайная жизнь церкви! Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный!

Плавный поток снежных хлопьев покрывал церковь, будто крыло ангела.

Было это по старому стилю шестое января, навечерие Рождества Христова, сочельник, о чем Татьяна Маркова, золотая медалистка советской школы, знать не могла.

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный! – шептали восторженно её губы.

* * *

На втором курсе студентов переселили поближе к alma mater, университету, на Воробьевы, тогда еще Ленинские горы, и все радовались, что кончились их мытарства в дальних поездках, можно дольше поспать и на проездном сэкономить. Только Татьяне было грустно уезжать со старого места, где ей приоткрылась светлая тайна, где ждала ее, привечала старая церковь.

Прошло много лет. Татьяна Маркова стала нет, не старым: душа не стареет, а прожившей жизнь человеком. Да что говорить о ней, если уж у ее единственного сына виски тронула седина. Большую часть свободного времени он просиживал в исторических архивах, составляя книги о делах давно минувших дней. Вот он-то и раскопал, что церковь во дворе бывшей Екатеринбургинской богадельни именовалась Воскресенской и была приходом прадедушки Татьяны по материнской линии Маресовых. А бабушка, которой она не знала, здесь родилась и прожила до бурь революции.

Ныне, когда взялись за старое, как за новое, архив из Воскресенской церкви убрали. Возвращают ее в лоно Святой Соборной и Апостольской. Но работы по реставрации еще не начаты, да и причет с иереем пока не пожаловали. А Татьяна приезжает сюда и подолгу стоит у крыльца, вспоминает далекую ночь сочельника, когда ей открылось сокровение земли русской, оказавшееся родовой тайной, и то удивительное ощущение теплого семейного очага, которого она больше нигде никогда не испытала, даже в своей отдельной московской квартире на таком этаже, где и ласточки не вьют гнезда. Стоит она, убеленная сединой женщина, перед церковью, которой теперь молодеть, вздыхает и повторяет:

– Воистину Воскресенская!

Слеза светится в ее глазах, как звезда, отразившаяся на дне колодца.

11.06.04 г.

Самый умный

Жили-были три соседа, Незван, Неждан и Красносвист. Любили они компании. А какая компания без бражки да закуски? И нет лучшей скатерти-самобранки, чем братское вскладчину. Идет по кругу шапка, и каждый в нее по трешке бросает. Но как только доходит до Незвана, он затылок чешет:

– Ой, братцы, забыл дома кошелек! Одолжите кто-нибудь. Честное слово, завтра отдам. И всегда найдется добрая душа, готовая ссудить трояк.

Но проходило завтра, послезавтра, и добрая душа понимала, обещанного три года ждут. А три года для трояка – это никогда. Кто ж столько о нем помнить будет? Работал Незван в поте лица и цену копейке знал, помнил, что она при рубле цепная собака. И денежки дисциплинированно на книжку относил.

И с Нежданом всякий раз, когда шапка перед ним останавливалась, происходила заминка. Он долго шарил по карманам, нагребал мелочь, извинялся, что издержался, до полочки еле тянется, и бросал в шапку горсть медяков.

– Эх-х! – вздыхал при этом, будто последнюю рубаху снимал, что не мешало ему гулять, пить и веселиться наравне со всеми. Да и Незван от него не отставал.

Оба они, и Незван, и Неждан, на заводской доске почета красовались.

А Красносвист числился в лентяях и тунеядцах, выходного пиджака не имел, что не мешало ему первым бросать свою трешку в шапку. А трешка от бедности – больше, чем червонец от достатка. Да и для Красносвиста компания, что аквариум для вуалехвоста: он оказывался в центре внимания, его присказки, байки и прибаутки шли нарасхват, – без такого опухнешь со скуки.

* * *

Прошла жизнь. И за первым из трех соседей леди в белом платье с косой пришла за Незваном. Вот тогда-то и открылось, что на книжке у него скопилось десять тысяч рублей, по тем временам чуть ли не сокровище Флинта, и на машину хватило бы, и на дом в деревне и на пять шуб норковых, соболиных жене, которая всю жизнь в пальтишке с потертым цегейковым воротником проходила. От экономии, видно, и приказала долго жить еще раньше Незвана.

Все руками развели: как же так, всю жизнь по людям трояки сшибал, а у самого за душой такие деньжища! Экий хитрован! Ни Незван его надо было наречь, а Хитрован!

Сразу и наследнички на его сбережения отыскались: племянница с мужем-пьянью, получили они их тут же и пустились покойного дядьку поминать, и так допоминались, что и без того, что раньше нажили, остались. Увлечлись, не опомнились, как и дом, и корову спустили.

* * *

Неждану выпал век дольше, чем Незвану. Сподобил Бог дожить до денежной реформы свободного рынка. Ночь толпился он в очереди в сберкассу за своими кровными, получил, кинулся по магазинам, на базар, и как раз его сбережений, а их было чуть поменьше Незвановых, на мешок семечек хватило. Взял Неждан этот мешок, сел над ним, обнял голову руками и даже зарыдать не смог:

– Вот уж не ждал я такого, не догадывался. Всю жизнь копил, чтоб старость безбедно прожить, а что ж выходит? Все жертвы ради мешка семечек, и те наполовину прелые! Хорошо

Незвану, вовремя сыграл в ящик. А я, видно, не зря Неждан: не ждал такого, никак не ждал-не гадал.

Один Красносвист барином ходит, посмеивается:

– Ничего я не потерял, ничего у меня не было, все мое при мне осталось, в компаниях бесшабашных, в гуляньях!

Вышло, умнее всех лентяй и лежебока оказался. Стали его с тех пор не Красносвистом звать, а Самым Умным Красносвистом. Так и говорили, когда он в худом пиджачишке по улице шел:

– Вон, идет, наш Самый Умный, – и пальцем показывали да о чем-то своем тяжело вздыхали.

2003 г.

Зло добра

История эта достоверна, как достоверно то, что чиновники раз в году получают отпуск и уезжают в прекрасные места, чтобы как-то оправдать и возместить себе казенное хождение на службу изо дня в день по звонку до звонка и по цепи кругом. Наш чиновник не был исключением из этой служебной рутины, он был даже образцовым чиновником, за что будем дальше писать его с большой буквы. Он тоже собрался на лазурные берега Черного моря, и перед ним встал вопрос: куда пристроить кошку, тем более если она две недели назад окотилась милым полосатым единственным котенком? Он обзвонил полторы дюжины знакомых, отчаялся и пошел за пивом. Открыл дверь и вслед за ним на лестничную площадку выбежал котенок.

– У, какой! – услышал Чиновник восхищенный возглас, оглянулся с надеждой и увидел соседа, великовозрастного Детину, обитавшего с матерью напротив.

– Милейшее создание! – схватил Чиновник зверька на руки.

– Милейшее, – согласился Детина.

– Да вот беда: мне уехать надо на месяц, а куда его деть, ума не приложу. Хоть в подвал относи.

– Зачем же в подвал, – почесал котенка за ухом Детина, и котенок, как всегда готовый пионер, громко замурлыкал. – Жалко такого.

И Чиновник так виртуозно сыграл на его жалости, что Детина сделал доброе дело: взял и котенка, и кошку на весь отпуск и даже банок с кошачьим питанием не потребовал.

А Чиновник со спокойной совестью уехал отдыхать.

* * *

Через день вернулась с дачи мать соседа, увидела большую кошку с котенком, схватилась за сердце:

– На минуту дурадея без присмотра нельзя оставить! Того и гляди, натворит чего – не расхлебает! – и поставила ультиматум, – Либо я, либо коты!

И для большей убедительности корвалолола с валидолом приняла. Детина вынужден был отволочь котов на дачу к бабушке.

Дача большая: сад, огород, лес – все, как положено. Но бабушка предупредила:

– Летом пусть живут, не жалко, но зимой я их в город не возьму, у меня слезотечение на кошачьи запахи, а в квартирке они скапливаются, сгущаются и преют.

– Что ты, бабушка! – успокоил ее внук. – Меня только месяц попросили за ними присмотреть, пока хозяин в отпуске.

– Ну-ну! – с сомнением погрозила пальцем бабушка.

И коты зажили на воле, в саду, в огороде, в дом приходили только поесть да понежиться. Старая кошка оказалась охотницей, ловила грызунов в поле и все чаще удалялась за свежатиной в лес. Котенок же подрастал при доме и уже был не котенком, а котиком, ловким, ласковым, а главное, забавным. Мог забраться в пакет и долго искать из него выход, ни за что не оставался ночевать под открытым небом. Даже если двери уже были на запоре, он проникал в дом через форточку, а если и форточка оказывалась заперта – через дымоход. Вылазил оттуда не серый, полосатый, а черный-пречерный и отряхивал сажу на пол. Бабушка бранила его, но и привязалась, называла, ласково ворча, обормотиком, домовым, духом дома. Да еще кошка-мать, однажды уйдя на охоту в лес, не вернулась, и обормотик стал полновластным хозяином дачи, воистину духом дома.

Тем временем отпуск его законного владельца кончился; Детина забрал котика и повез к нему. Владелец, увидел не котенка, уже даже не котика, а почти кота, категорически от него отказался:

– Не мой.

– Как не ваш? – обиделся Детина от того, что его заподозрили в жульничестве. – Ваш. Просто он вырос.

– Ну да, – умудрённо кивнул хозяин кота, – известная ситуация: «просто во время пути собака могла подрасти». Не смешите, пожалуйста. Я вам отдавал котёнка, а вы мне приволокли кота.

– Ваш! – не сдавался Детина.

– А справка на него есть? – вышел из положения Чиновник.

– Какая справка? – опешил Детина.

– Из эпидемстанции. Что он чистый, насекомыми не заражен...

– Ну, знаете, – обидевшись за кота, взял его под мышку Детина, – это нормальный кот. В дом через трубу пролезет. Его все полюбили. А вы... Это вам справку надо... из эпидемстанции, что у вас совесть чиста.

И удалился с котом, как с дорогим подарком, – а что делать? Дверь перед его носом победоносно захлопнули и прокричали из-за нее напутствия – врагу не пожелаешь.

Что же делать Детинушке с дорогим подарком? У матери сердце, у бабушки аллергия. Бросить кота в городе, точно пропадет, а вот в деревне... то, авось, охотой на полевых мышей овладеет, была же его мать охотницей, и в деревне его скорее, чем в городе, кто пригреет в сарае или где на сеновале, – рассудил Детина и поехал на дачу. Не доехав до нее две остановки, а это верст пятнадцать, сошел с электрички и отпустил кота в поселке с хорошими кирпичными домами и просторными дворами. А сам явился к бабушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.